

ВСЕВОЛОД
ОВЧИННИКОВ

**ДРУГАЯ
СТОРОНА
СВЕТА**

Всеволод Владимирович Овчинников

Другая сторона света (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21579317

Овчинников, Всеволод Владимирович. Другая сторона света: АСТ;

Москва; 2016

ISBN 978-5-17-114605-4

Аннотация

Книга «Другая сторона света» – это сборник, в который вошли лишь рассказы о жизни автора, о курьезных и серьезных случаях из периода его пребывания в разных странах. О жизни, обычаях, кухне народов Востока.

В ней практически отсутствуют экономические и политические статьи, но много личных наблюдений автора, его понимание и восприятие жизни народов Китая и Японии.

Этот сборник – подарок автора своим постоянным и новым читателям.

Содержание

Об авторе	5
Калейдоскоп жизни. Экзотические, драматические и комические эпизоды личной судьбы	7
О времени и о себе. Юный блокадник	7
Счетовод в сибирском колхозе	15
Гардемарин на Невском	19
Новогоднее дежурство новичка	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Всеволод Овчинников

Другая сторона света

© Овчинников В.В., 2016

© ООО «Издательство АСТ»

Об авторе

Года три тому назад на книжной выставке на ВДНХ выступал Всеволод Владимирович Овчинников. Аудитория просто завалила его вопросами, людей разного поколения интересовало, как он рассматривает отношения, которые сложились между Россией, Японией и Китаем. А после выступления огромное количество людей потянулись к автору за автографом. Все пытались сказать что-то приятное, и Всеволод Владимирович, несмотря на неважное самочувствие, терпеливо отвечал всем и подписывал свои книги. Меня тогда поразило то, насколько популярен этот человек, который, будучи журналистом-международником, поставил своей целью сблизить такие разные народы, помочь им понять и принять друг друга.

В этом году автору исполняется 90 лет. Мы уже выпустили несколько сборников его книг. Но к такой круглой дате хочется сделать еще один подарок автору.

В этот сборник вошли лишь рассказы о жизни автора, о курьезных и серьезных случаях из истории его пребывания в разных странах. О жизни, обычаях, кухне народов Востока.

Когда-то, отчисляя Всеволода Овчинникова из военно-морского училища по состоянию здоровья, начальник училища сказал: «Овчинка не стоит выделки!» Но это как раз тот случай, когда «овчинка сама себя и выделала». По-

тому что упорство Овчинникова в повышении профессионализма, изучении и достижении целей достойно всяческого уважения. Если человек хочет, чтобы его слышали, если он хочет донести что-то до своих слушателей, он должен знать тему значительно лучше своих собеседников.

Когда-то, обучаясь в институте, Всеволод увлекался еще и греблей. Чтобы лучше запоминать иероглифы, ребята клеили бумажки с их написанием на спины впереди сидящих. Так вот гребли и учились одновременно. Тяжеловато, конечно, зато впереди всегда есть цель, и она видима и достижима.

Так вот, выставляя цель, автор шел к ней, порой брал ее штурмом, порой размеренно и не спеша, как учит восточная философия. Созерцание со стороны, проникновение в суть – это ведь тоже путь познания.

Мы гордимся своим автором и желаем ему здоровья и благополучия.

(Редакционно-издательская группа «Жанровая литература»)

Калейдоскоп жизни. Экзотические, драматические и комические эпизоды личной судьбы

О времени и о себе. Юный блокадник

Мне было суждено пропустить через свою личную судьбу три четверти двадцатого века. Оглядываясь на прожитое, я порой спрашиваю себя: какой же момент моей жизни был самым радостным, самым незабываемым? И тогда, кроме общего праздника моего поколения – Дня Победы, я вспоминаю Первой 1945 года.

Да, таким моментом для меня является незаслуженно забытый историками первоймайский парад на Дворцовой площади в Ленинграде за восемь дней до конца войны. Я, девятнадцатилетний курсант военно-морского училища, стоял в парадном расчете перед фасадом Зимнего дворца, который только что обновили пленные немцы.

Потом в моей жизни было пять памятных парадов на Красной площади. Но ни разу так не трепетала, так не пела душа, как в питерский Первой 45-го, когда мои соотече-

ственники в далеком Берлине подняли над Рейхстагом знамя Победы. Это был поистине победный триумф для моего родного города, воскрешенного после 900 дней блокады.

Я родился, вырос и пережил блокаду в Ленинграде. Наш серый шестиэтажный дом, построенный еще в дореволюционные годы, стоит на Фонтанке напротив Никольского переулка, что ведет к собору Николая Угодника, чтимому военными моряками. Чуть правее по Фонтанке начинается Измайловский проспект.

Величественную красоту Северной столицы я увидел и оценил глазами моего отца – Владимира Овчинникова, архитектора по профессии и поэта по призванию, который не только построил в родном городе несколько зданий, но и ставил там в 20-х годах прошлого столетия свои пьесы, выпустил сборник стихов.

У отца были излюбленные маршруты, по которым он водил нас с братом гулять. Например, по Вознесенскому до Исаакиевского собора, потом к Медному всаднику и по Неве до Зимнего дворца. Или по Садовой до Невского, оттуда к Казанскому собору, а затем на Площадь искусств, к Русскому музею и Филармонии.

Мне было четыре года, когда две бабушки воспользовались тем, что мои родители отдыхали в Кисловодске, и отправились меня крестить. До Никольского собора я дошагал сам. Инициатором затеи и крестной матерью была школьная подруга мамы – оперная солистка Софья Преображенская,

обладательница известного тогда всей стране меццо-сопрано. Держать на руках перед купелью упитанного четырехлетнего мальчугана ей, наверное, было нелегко.

Благодаря крестной матери я с дошкольных лет приобщился к классической музыке. «Сказка о царе Салтане», «Снегурочка», «Садко», «Руслан и Людмила», «Конек-Горбунок», «Спящая красавица», «Щелкунчик» – большинство популярных детских сказок я впервые воспринял в музыкально-сценическом исполнении. Словом, архитектурные шедевры Ленинграда, оперы и балеты Мариинки во многом повлияли на формирование моего духовного мира.

Мы жили в отдельной квартире, что тогда было редкостью. Выглядел я в довоенные годы, как типичный «гогочка» – так именовали тех, кого нынче сочли бы «ботаником». Однако, несмотря на свою бархатную курточку с бантом, я дружил во дворе с мальчишками, таскал им из отцовского шкафа «Королеву Марго» и «Остров сокровищ».

С четвертого класса я с увлечением коллекционировал марки и пешком ходил в единственный филателистический магазин на Невском. Тратил на марки все, что мать давала на школьные завтраки. Но денег не хватало. И вот однажды я решился встать вместе с нищими на паперти расположенного поблизости от дома Троицкого собора. Вид прилично одетого мальчика в пальто с меховым воротником и ушанкой в дрожащих руках потряс прихожан. (Как-никак шел 37-й год!) За полчаса я собрал больше, чем все остальные страж-

душие. Но на беду партнерши бабушки по преферансу опознали меня. Пришлось поклясться ей, что никогда в жизни больше не буду просить подаяния.

Учился я, как и жил, на Фонтанке, в 264-й неполной средней школе напротив Египетского моста. Война началась ровно через три недели после выпускного вечера в нашем седьмом «А». Первые записки девочкам сменились дежурствами на крыше, которые дали повод показать свою отвагу при тушении зажигательных бомб. На школьном фасаде появилась надпись: «Граждане! При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна!»

Поначалу все это выглядело романтично. Но сентябрьское зарево над Бадаевскими продовольственными складами означало, что судьба уготовила нам нечто пострашнее бомбежек и обстрелов. Из двадцати четырех моих одноклассников до весны 42-го дожили лишь семеро. Организм пятнадцатилетних мальчишек оказался особенно уязвимым для вызванной недоеданием дистрофии.

Как же удалось нашей семье пережить голод? Во-первых, мама каждое лето варила много варенья из клубники, малины, смородины. И с весны закупала сахар, чтобы, привезя с дачи ягоды, не бежать в магазин. Когда началась блокада, у нас было 12 килограммов сахарного песка – неслыханное богатство! Во-вторых, отец строил для известной обувной фабрики «Скороход» санаторий на озере Омчино, заказывал какой-то артели «буржуйки» для рабочих бытовок. И

когда началась война, успел купить одну для себя.

Ведь блокада означала для ленинградцев не только голод. Когда в многоэтажных городских домах вышли из строя отопление и освещение, водопровод и канализация, остановились лифты, жизнь в них стала невыносимой. Поэтому осенью мы переехали к тетке на Петроградскую сторону, с шестого этажа на второй. (Еще повезло, что успели добраться с чемоданами и узлами на трамвае, ибо весь общественный транспорт к зиме оказался парализован.) Тетка отдала нам тринадцатиметровую комнату, где отец с матерью спали на кровати, мы с братом – на диване, а у окна поставили «буржуйку».

Отец, которому шел пятьдесят третий год, служил в аварийно-восстановительном полку. Он руководил расчисткой завалов после налетов, а также занимался защитой от бомб и снарядов исторических реликвий, вроде Медного всадника или античных статуй в Летнем саду. Через день он ночевал дома и каждый раз приносил в противогазной сумке по три полена.

Но когда начались морозы, этого стало не хватать. Пришлось ходить за топливом в свою квартиру на Фонтанке. До сих пор поражаюсь, как я умудрялся проделывать пешком такие расстояния! От Большой Пушкарской надо было пройти весь Кировский проспект, подняться на мост через Неву, пересечь Марсово поле, обогнуть Инженерный замок, выйти на Садовую, проследовать вдоль Гостиного двора к Сенной

площади и, наконец, по Вознесенскому добраться до Фонтанки. А там на шестом этаже надо было распилить очередную пару стульев или этажерку, привязать дрова к детским саночкам (на которых тогда в Ленинграде чаще всего возили трупы) и спешить в обратный путь, ибо зимой темнеет рано.

Однажды я возвращался с Фонтанки, переждав очередной артобстрел в подворотне у Инженерного замка. Выйдя на безлюдное Марсово поле, почувствовал, что должен передохнуть. Присел на заснеженный холмик рядом с протоптанной людьми тропой. Стало как-то легко и светло на душе. Мелькнула мысль, что я засыпаю и могу замерзнуть. Тело стало крениться набок. Я уперся рукой о холмик, на котором сидел. И вдруг увидел под собой человеческую ногу. Разгреб снег и убедился, что сижу на трупе.

По телу словно пробежал электрический разряд. Собрав все силы, я поднялся, протер снегом лицо. И еле волоча ноги побрел к мосту через Неву. Так один из замерзших на улице ленинградцев спас мне жизнь. За что я навсегда перед ним в неоплатном долгу.

На Петроградской нам повезло: в соседнем дворе оборудовали водоразборную колонку. Таская ведра с водой и вынося параши, я всякий раз радовался, что второй этаж лучше, нежели шестой. Кстати, из-за того что полуживые жильцы выливали нечистоты прямо во дворе, под нашими окнами к весне из них образовались торосы в рост человека.

Мы выжили потому, что каждый день ели горячий суп, а

утром и вечером пили сладкий чай. Главное же – мы с братом изловчились ловить на рыболовный крючок бездомных кошек. Накинув на добычу холщовый мешок, несли ее в соседний госпиталь. Сердобольные медсестры прямо через мешковину делали кошке усыпляющий укол, после чего ее можно было освежевать. Каждую тушку ели дней десять, а из обглоданных костей варили студень.

Когда, грея руки об остывающую «буржуйку», мы коротали вечера при тусклом свете коптилки, нашей единственной связью с внешним миром был громкоговоритель. Голос ленинградской поэтессы Ольги Берггольц, записи концертов из филармонии и спектаклей из Мариинки придавали нам силы. Когда 7 ноября 1941 года мы услышали трансляцию состоявшегося накануне в Москве торжественного собрания, когда узнали о том, что в этот день на Красной площади как всегда прошел военный парад, это поистине было для нас согревающим лучом надежды в холодной тьме.

Наступила весна. Холод и темнота отступили. Мать стала класть в суп собранную на пустырях лебеду. А нас, выживших старшеклассников, школа отправила за город сажать картошку. Мы отрезали и сovali в землю лишь верхушку клубня, а остальное тут же с наслаждением съедали. Мой сосед по палатке, прямо как чукча из современного анекдота, по ночам выбирал из борозды посаженные накануне картофельные глазки. А ведь никто нам не говорил, что сырой картофель – лучшее средство от цинги.

Обстрелы и бомбежки продолжались, но их как-то перестали замечать. Ведь голод ежедневно косил стократно больше людей. Однажды мама сидела на подоконнике и мыла лебеду. Я в чулане за кухней искал в темноте бутыл с керосином и позвал ее на помощь. Через несколько секунд после того, как мать подошла, в подоконник угодил снаряд. Он пробил пол и разорвался между этажами. Нас слегка оглушило и обсыпало штукатуркой. Но куда больше испугался отец, когда, подойдя вечером к дому, увидел под нашим окном пробоину.

Блокаде не было видно конца. И зимовать второй раз в осажденном городе мы не решились. Дождливым осенним днем 42-го нас по Ладожскому озеру вывезли катером на Большую землю. Пока добирались эшелоном до Сибири, из нашей теплушки не раз выгружали трупы попутчиков, скончавшихся от дистрофии.

Счетовод в сибирском колхозе

Высадили нас из поезда между Тюменью и Омском. Да еще везли на грузовике километров сто к северу от железной дороги. В селе Плетнево Юргинского района Омской области нам отвели избу-пятистенку, что пустовала с тех пор, как ее владельцев раскулачили во время коллективизации.

Мать быстро освоилась с русской печью и колодцем. Труднее было привыкнуть к неожиданным визитам соседей. Они отказывались проходить в дом и молча грызли семечки в сенях, дивясь тому, что «городские едят как собаки – каждый из своей миски». Впрочем, основной темой общения вскоре стал обмен привезенных нами вещей на продукты. И тут мы научились сбивать местных жителей с толку, прося за понравившуюся им кофту «три ведра картошки, два кило муки и полсотни яиц». Привести же все это к какому-то привычному знаменателю было для покупателей непосильной задачей.

Понимая, что таким обменом долго не проживешь, мать устроилась в МТС сушить чурки для газогенераторных тракторов. А мне предложили должность счетовода в соседнем колхозе «Трудовик». Там был позарез нужен грамотный человек, хотя бы для отчетности перед районным начальством, которому постоянно требовались какие-то сведения. Меня соблазнили оплатой не в трудоднях, а в натуре: ежемесячно пуд муки, шесть пудов картошки да еще крынка молока каж-

дое утро. Пришлось поселиться в соседней деревне у крепкой старухи, которая пекла мне в русской печи шаньги с картошкой и топила баню по-черному.

Так ленинградский подросток, не имевший ни малейшего представления о сельском хозяйстве, в шестнадцать лет оказался главным кормильцем семьи, стал ответственным за экономику и финансы трех сибирских деревень. Моей главной задачей было отбиваться от уполномоченных, тщетно пытавшихся дать очередной нагоняй председателю колхоза (приходилось говорить, что тот с утра уехал в поле, хотя на самом деле прятался за домом в бане). Набравшись у меня цифр и фактов, уполномоченные уезжали. А мне оставалось составлять и передавать по телефону в район очередные сводки: «Отчет о ходе взмета паров, прополки и сенокоса», «Отчет о ходе уборки колосовых, сева озимых и вспашки зяби», «Отчет о состоянии поголовья скота и его продуктивности».

Зимой отчетность осложнило чрезвычайное происшествие. Жертвами нападения волков на скотный двор стали две овцы. Сибиряки намеревались сжечь их как падаль. Но я попросил отдать промерзшие тушки мне. Положил на санки охапку сена, сверху привязал овец и субботним утром отправился порадовать мать и брата бараниной. Надо было пройти три километра через перелески. И тут на дорогу вышли три волка, привлеченные запахом крови. Они были похожи на больших овчарок, но как-то необычно поджимали хвосты.

Вокруг не было ни души. К счастью, с собой оказались спички. Стал поджигать сено и бросать его на дорогу. Запах дыма хищникам не понравился, и они отстали.

Местные жители относились ко мне, блокаднику, приветливо и сочувственно. Женщины-солдатки – по-матерински. Когда я приходил к дояркам записывать показатели, они наливали мне ковш сливок, от которых я хмелел и тут же засыпал. У девчат был интерес иного рода, поскольку все парни старше 16 лет ушли воевать. Однажды зимой председатель послал меня на совещание в район с заведующей молочной фермой. Это была 26-летняя Клава с фигурой олимпийской чемпионки по толканию ядра.

Мы запрягли в сани председательского мерина Серко, накрылись меховым пологом и поехали через заснеженный лес. И вот среди этого белого безмолвия, этой сказочной благодати девица принялась меня тормошить. Мне было щекотно, я не понимал, в чем дело. И своей индифферентностью так разозлил соседку, что та своим могучим бедром вытолкнула меня из саней. Проваливаясь в снег, я долго брел по лесу один, пока меня не подобрала попутчики.

После этого обо мне стали петь частушку:

Вот так вот, счетовод, много понимает...

Пятью пять – двадцать пять.

Дважды два – не знает!

Словом, невинности в Сибири я так и не лишился. Зато

через полгода настолько овладел двойной бухгалтерией, что за сотню яиц составлял годовые балансы соседним колхозам. Одновременно учился в районной школе, где заочно окончил восьмой и девятый классы, начал учиться в десятом. Но в ноябре 43-го нас, семнадцатилетних, призвали в армию. Провожать меня вышли все три деревни. Причем женщины по традиции «выли в голос», так что когда процессия проходила мимо нашей избы, я лишь издали махнул матери рукой.

Гардемарин на Невском

Итак, в ноябре 1943 года нас, семнадцатилетних, призвали в армию. Отправили в 12-й Отдельный учебный стрелковый полк Сибирского военного округа, в город Каинск, куда в царские времена ссылали за убийства. Наш противотанковый артдивизион размещался в старинном остроге: батареи – в общих камерах, а сержантский состав – в одиночках. К счастью, тюремных нравов в этих зловещих стенах не было и в помине. Наоборот, царила атмосфера, которую можно назвать «дедовщиной наоборот».

Мои сверстники – сибирские парни, как и старослужащие – сержанты-фронтовики относились ко мне, ленинградцу-блокаднику, еще не оправившемуся от истощения, с трогательной заботой. Не разрешали толкать плечом пушку, таскать ящики со снарядами и вообще перенапрягаться. Зато мне поручали выступать от дивизиона на комсомольских активах или полковых митингах – вроде того, что проводился по случаю встречи Сталина, Рузвельта и Черчилля в Тегеране.

Весной 1944 года я окончил полковую школу и готовился отправиться на фронт как командир 45-миллиметровой противотанковой пушки. С этим «оружием самоубийц» у меня было немного шансов дожить до конца войны. Но тут пришел приказ Верховного главнокомандующего откомандиро-

вать из строевых частей в военные училища всех новобранцев со средним образованием или мобилизованных из десятого класса.

Так я снова оказался в родном Питере, в военно-морском училище, что поныне находится в Адмиралтействе. Нашими кумирами были персонажи Станюковича, наследники традиций парусного флота с их обостренным чувством долга и чести. Этим благородным щеголям мы стремились подражать и внешне, фетишизируя каждую деталь военно-морской формы.

Чтобы брюки казались более расклешенными, мы натягивали их на фанерные клинья. Тельняшки и суконные форменки ушивали так, что они одевались с трудом, как джинсы у современных женщин. Дабы не выглядеть салагой, было принято до голубизны вытравливать хлоркой матросский воротник. Шинель укорачивали почти до колен, а ленточки на бескозырке, наоборот, удлиняли. Когда лощенный гардемарин выходил на Невский, все девушки, как нам казалось, провожали его восхищенными взглядами.

Для меня эта морская романтика была особенно разительным контрастом. Как уже упоминалось, в сибирской полковой школе, где я начинал военную службу, наша батарея занимала общую камеру старинного острога. Кормили же нас в крытом тюремном дворе. Щи подавали в ведрах, а кашу с консервами – в больших банках от американской тушенки. Каждый носил в противогазной сумке эмалированную мис-

ку, а за поясом – алюминиевую ложку. И вот я, сержант-артиллерист в обмотках, попадаю под своды Адмиралтейства, где в обеденном зале все как в мирное время – белые скатерти, фарфор, столовые приборы.

Призванный в 1943 году из десятого класса, экзамены на аттестат зрелости я сдавал уже в Ленинграде, на подготовительном курсе. А поскольку получил одни пятерки, мог выбрать любое училище. И не использовал шанс обрести хорошую гражданскую специальность инженера-кораблестроителя лишь потому, что тогда пришлось бы, как медику или интенданту, носить на погонах серебряные якоря. Лишь курсанты училищ, готовивших офицеров плавсостава, ходили с золотыми, что в мои девятнадцать лет казалось важнее всего.

В выходные дни гардемарины с золотыми якорями танцевали в левой части Мраморного зала на Васильевском острове. Надо сказать, что ленинградки 40-х годов отлично разбирались в знаках отличия и особенностях морской формы. Например, танцуя с гардемаринном, девушка никогда не клала левую руку на девственно чистый матросский воротник, а старалась поместить пальцы под него, что к тому же усиливало ощущение близости партнеров.

На танцевальных вечерах мы привыкли сознать себя самими желанными кавалерами. Но кроме юношеского снобизма было в нас и некое донкихотство. Мы, четверо сокурсников, высматривали у входа в зал девушек, весь вечер бесплодно прождавших, что кто-нибудь обратит на них внима-

ние. И приглашали их на три заключительных танца. Причем всякий раз происходила сказочная метаморфоза. Невзрачные создания как бы расцветали изнутри. Их засиявшие глаза совершенно преображали внешность. Появлялось даже желание завязать очередной роман. Но мы исчезали столь же внезапно, как появлялись. Ибо, подобно Золушке, должны были вернуться к 23.45, то есть быть в училище за четверть часа до полуночи.

Однажды весной наш курс на месяц лишили увольнений. Можно было только звонить родным и знакомым по телефону-автомату. А моя девушка настаивала, чтобы я непременно пришел поздравить ее с днем рождения. Дескать, знакомый ее подруги из Военно-морской медицинской академии бывает в городе почти каждый день. Вместе с приятелем, услышавшим такие же упреки, мы решили сбежать в самоволку.

Фасад Адмиралтейства, обращенный к Зимнему дворцу, тогда ремонтировали пленные немцы. И вот они, как и многочисленные прохожие, с изумлением увидели двух гардемарин с палашами, которые спускались с третьего этажа по строительным лесам. Мы благополучно навестили своих знакомых и к вечерней поверке вновь встретились в Александровском саду.

Попробовали войти через проходную. Авось старшекурсник на посту не поднимет шума. Но на беду рядом с ним оказался дежурный офицер. Мы кинулись бежать через Дворцо-

вую площадь. Лейтенант кричал нам вслед и стрелял в воздух из пистолета. Приятель устремился к арке Главного штаба, где его задержали прохожие в военной форме. А мне удалось добежать до Эрмитажа и скрыться в одном из подъездов.

Даже в два часа ночи в Питере все еще было светло, и я увидел возле проходной усиленные патрули. Тогда я вышел на Неву к одной из арок Адмиралтейства. Створки ее ажурных ворот сходились под небольшим углом. Так что между ними и натянутой сверху колючей проволокой оставался зазор. Без труда поднялся по чугунному кружеву, но зацепился за проволоку. Пришлось вылезать из собственных брюк. Впрочем, одежду надо было все равно снять, чтобы запрягать ее в галюне и потом частями перетаскать в казарму. Дабы скрыть мое отсутствие, друзья сделали на койке куклу из одеяла. Ну а пойманный одноклассник, разумеется, меня не выдал, хотя получил за это максимальный срок гауптвахты.

После дизельного факультета я мог стать командиром подводной лодки. А мой однокурсник Владимир Чернавин даже дослужился до Главнокомандующего Военно-морским флотом СССР. Но на третьем семестре кто-то обратил внимание, что при стрельбе из пистолета я щурюсь. Проверили зрение – выявили близорукость (последствие блокадной дистрофии). А носить очки считалось неприличным для морского офицера. Начальник училища иронично изрек: «Ов-

чинка выделки не стоит!»

Обладателя фамилии Овчинников подобный каламбур отнюдь не веселил. С трудом выхлопотал направление в Москву, на морской факультет Военного института иностранных языков. Но там меня в середине года никто не ждал. Тем более что после войны ВИНЯ был даже более элитарным заведением, чем нынче МГИМО. Туда брали генеральских детей да мастеров спорта.

Еле уговорил зачислить меня до вступительных экзаменов в караульную роту: день стоишь часовым, день драишь галюны. А впереди – сочинение, английский, история.

Сдал все на пятерки. Но приняли совсем не поэтому. А потому что я сам попросил зачислить меня на китайское отделение. Откуда-то взявшаяся дальновидность предопределила мою дальнейшую жизнь. В 1947 году в ректорате лежало 17 заявлений от первокурсников-китаистов со слезными просьбами перевести их на любой другой язык. Не только из-за трудностей иероглифики. Казалось, что китайская революция на грани поражения, и самый трудный язык никому не хотелось учить. Поэтому мое заявление использовали для воспитательной работы. Вы, мол, дезертируете, а люди сами просятся...

Через два года в гражданской войне между Чан Кайши и Мао Цзэдуном произошел перелом, была провозглашена Китайская Народная Республика, и моя профессия вдруг стала самой модной. Вплоть до того, что журнал «Новый мир»

в 1950 году опубликовал мою дипломную работу «Советская литература в Китае».

Вскоре после этого меня на выпускном курсе прикрепили переводчиком к одной из первых делегаций из Пекина. В программе было посещение «Правды». Ее тогдашний главный редактор Леонид Ильичев и один из основателей компартии Китая Линь Боцзюй оба слыли философами и изощрялись в остроумии. Шуток гостя я часто не понимал, а острою хозяина не знал, как перевести. Но смело импровизировал, так что собеседники остались в восторге друг от друга и от моих языковых способностей. Ильичев заметил: «Вы неплохо знаете Китай. Никогда не пробовали сами писать на дальневосточные темы?»

Я рассказал о статье в «Новом мире». Ильичев попросил принести ему номер. В итоге появился приказ министра обороны Малиновского: «Откомандировать старшего лейтенанта Овчинникова в распоряжение главного редактора «Правды». Так определилась моя судьба на последующие сорок лет. Я ушел из своей журналистской альмаматер весной 1991-го, за несколько месяцев до ГКЧП.

Новогоднее дежурство новичка

Итак, осенью 1951 года меня, выпускника Военного института иностранных языков, взяли в «Правду» как китаиста с перспективой работать в Пекине. Подошел Новый год. И самого молодого «правдиста», литсотрудника отдела стран народной демократии, естественно, поставили дежурить на праздник.

Еще со времен Марии Ильиничны Ульяновой было принято за полчаса до полуночи собираться в конференц-зале, дабы выпить с главным редактором по бокалу шампанского. Эта давняя традиция всегда служила ширмой для подпольных пирушек по кабинетам.

Так было и теперь. Собрались сначала все международники, потом все соседи по третьему этажу. В конференц-зал пришли последними и весьма навеселе. Почти все места были заняты. И какой-то шутник посоветовал мне: «Садись рядом с главным, ведь это будет неофициальная встреча».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.